

войне «представляют своего рода “нерв”, “стержень”, “эпицентр” его “взрывного”, экспрессивного мироощущения» [Там же: 65, 91–92]. Поэт стремится к изображению правдивых, жёстких ситуаций войны, поэтому появляются песни о штрафных батальонах, братских могилах и др. Различия при освещении темы войны у данных авторов находят своё отражение при цитировании их песен. Ср. соответственно:

Мир стремительно врывается в XXI. Великая Отечественная остается в XX. А вместе с нею – наши дожившие до 55-летнего юбилея старики. Окуджавские мальчики старались вернуться назад, но что-то у них плохо получилось (Веч. Казань. 1999. 11 мая); *Вопрос, зачем погибли советские солдаты на земле объединённой ныне Европы, не стоит задавать 9 мая. Лучшие вспомнить песню про одну на всех победу и про цену, за которой народ не постоял...* (Лит. газ. 2004. 23 июня);

*После той войны тоже было не принято говорить о мародёрах. Говорили о трофеях. Солдаты везли – сколько в «сидор» набьётся, генералы – вагонами. Высоцкий пел неприличное: **Трофейная Япония, Трофейная Германия! Пришла страна Лимония – Сплошная чемадания...*** (Новая газ. 1996. 14 нояб.); *Страна готовилась отметить тридцатилетний юбилей Победы. И для многих знание об этих частях вовсе не исчерпывалось песней Владимира Высоцкого «Скорее лес рубите на гробы – в прорыв идут штрафные батальоны...» Ложь долго не живёт. А длительное молчание вправе нарушить только правда* (Лит. газ. 2004. 6 окт.).

Обращение прессы конца XX – начала XXI века к подобным цитатам Высоцкого отражает тягу журналистов этого периода к сенсационным, ранее запретным темам. Цитаты из песен поэта помогают им сделать свои материалы более экспрессивными, более достоверными и социально заострёнными.

Итак, использование текстов авторской песни в прессе прежде всего связано со стремлением журналистов к максимальной выразительности. Однако благодаря социокультурной и исторической значимости данных текстов их цитирование имеет и другие цели.

С одной стороны, выступая в качестве исторического источника, тексты авторской песни обеспечивают экономию языковых средств (не надо пересказывать всю ситуацию, стоит привести только несколько строчек текста Галича).

С другой стороны, мысль журналиста углубляется за счёт того, что исторический факт не только зафиксирован, но и интерпретирован. Благодаря этому усложняется характер диалога: журналист вступает в диалог не только с читателем, но и с текстом цитируемой песни и её автором (соглашается с ним или спорит). Таким образом, многосторонняя направленность диалога превращает его в своеобразный «полилог».

«Полилог» сопровождается многосторонней и сложно организованной интерпретацией: текст песни «интерпретирует» событие, журналист – текст песни и событие, читатель – текст журналиста и песни, а также событие. Тем самым утверждается ценность и значимость не только самих песен, но и точек зрения, в них представленных.

Многочисленная интерпретация текстов песен свидетельствует о присвоении их социумом, об их вхождении в некое общее когнитивное пространство (в речевую культуру), что, в свою очередь, обеспечивает в дальнейшем их дискурсивную многозначность – возможность использования в тематически сходных материалах (например, фразы из военных песен об Отечественной войне – в статьях о других войнах).

Литература

Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 240 с.

Зайцев В.А. Окуджава. Высоцкий. Галич: поэтика, жанры, традиции. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. 272 с.

Уварова С.В. Сопоставительная характеристика военной темы в поэзии Высоцкого и Окуджавы // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. Т. 1. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. С. 279–287.

Е.А. Юрина (Россия, Томск)

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СУГГЕСТИВНАЯ И МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИИ

Исследование суггестии – скрытого психологического воздействия – является очень важной социальной задачей, решение которой возможно путем интеграции целого ряда гуманитарных и естественно-научных дисциплин: психологии, социологии, политологии, медицины и, конечно же, лингвистики в та-

ких её междисциплинарных разделах, как психолингвистика, социолингвистика, лингвокогнитология. В языкознании рубежа XX-XXI веков, во многом благодаря работам И. Черепановой, выделилось самостоятельное направление – суггестивная лингвистика, исследующая различные аспекты языковой (речевой, коммуникативной) суггестии [Черепанова 1999].

В современном обществе человек постоянно находится в напряженном информационном поле, а современное развитие пропаганды (в широком смысле), её тесное взаимодействие с психологией привело к появлению возможности внушить человеку практически любую мысль, любое чувство, любую глубинную установку. Внушение (суггестия) есть не что иное, как подача информации, воспринимаемой адресатом без критической оценки, латентное (скрытое) воздействие на человека, оказывающее влияние на течение нервно-психических процессов. Путем внушения могут вызываться ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого [Поршнева 2006: 479]. Ядром суггестивного воздействия является языковая (коммуникативная) суггестия, которая характеризуется использованием в практике речевого взаимодействия языковых средств (суггестем), успешно воздействующих на выбор (установку) тех или иных предпочтений в деятельности человека, на мир его личностных смыслов, неподконтрольных сознанию [Черепанова 1999].

Одним из эффективных средств психологического воздействия на адресата речи являются образные лексические и фразеологические языковые единицы (метафоры, метафорические дериваты, сравнения, идиомы, перифразы) и примыкающие к ним прецедентные феномены (имена и тексты), формирующие ассоциативный фон восприятия суггестивного текста. Образность как свойство, позволяющее создать представление о предмете в двух и более ассоциативно связанных проекциях, как нельзя лучше соответствует основным требованиям внушения: созданию иллюзии самостоятельности в восприятии и осознании фрагментов картины мира, максимально возможной скорости такого восприятия и осознания, а также формированию убеждения в истинности и достоверности полученного знания [Юрина 2005: 12–58].

Способность образных слов и выражений обозначить называемый предмет в ассоциативной связи с другими предметами и явлениями, отразить в своем значении «совмещенное видение двух картин» (В.Г. Гак), позволяют автору высказывания подспудно внушить адресату речи определенные идеи путем непосредственного психоэмоционального воздействия. В процессе восприятия текста, насыщенного образными лексико-фразеологическими средствами, у адресата возникает цепь ассоциаций, отвлекающих его от критического отношения к информации и заставляющих воспринимать её в соответствии с эмоциональным фоном, который вызван не столько реакцией на данную информацию, сколько ассоциативным слоем текста.

В связи с этим правомерным представляется выделение среди прочих функций образной лексики – суггестивной функции, которая связана с использованием образного языкового средства для скрытого вербального воздействия на подсознательный, эмоциональный уровень собеседника. Образы, заложенные в суггестивных текстах и выраженные посредством образных языковых средств (текстовых образных лексико-фразеологических парадигм), формируют и закрепляют в сознании реципиента определенные установки на те или иные действия.

Очевидна преимущественная реализация суггестивной функции языка в определенных социальных сферах речевого взаимодействия и соответствующих им типах дискурса, где суггестия оказывается наиболее востребована. К числу таких суггестивно окрашенных текстовых формаций и дискурсивных практик относятся религиозный, эзотерический (мистический), рекламный, политический (агитационно-пропагандистский), медицинский, психотерапевтический типы дискурса.

В данной статье будут рассматриваться контекстные реализации образных средств языка в текстах психотерапевтической тематики с целью выявления особенностей реализации их семантического потенциала, задействованного в психологическом воздействии на адресата речи. Эта проблема исследуется на материале популярных книг по психологии, посвященных формированию гармоничного мироощущения человека путем замены негативных психологических установок на позитивные. Такая литература в изобилии представлена на полках книжных магазинов и пользуется активным спросом у читателей. Как правило, названия книг или их подзаголовки содержат вопросы «Как стать счастливым?», «Как обрести гармонию с собой и окружающими?», «Как добиться успеха?», «Как стать богатым?», ответы на которые предлагают читателям авторы данных работ.

В зависимости от социального статуса автора можно разделить данную литературу на две разновидности. Первая представлена популярными книгами по практической психологии, ориентированными на

массового читателя и написанными профессиональными психотерапевтами, которые предлагают своим читателям (виртуальным пациентам) методы выхода из пограничных психических состояний (неврозов, хронической усталости, постстрессового синдрома), указывают пути улучшения здоровья и психологической гармонизации личности, помогают найти решения сложных семейных, производственных и прочих житейских проблем. Эта литература, представляя книжно-письменный вариант психотерапевтического взаимодействия, может быть напрямую отнесена к психотерапевтическому дискурсу.

Определяя дискурсивную природу психотерапевтического взаимодействия, автор учебника по психоанализу Н.Ф. Калина пишет о том, что психотерапевтический дискурс является особым типом дискурсивной практики – специфической формой использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется воздействие психотерапевта на клиента [Калина 2001: 298–299]. «В процессе терапевтического анализа происходит своего рода «пересмотр» имеющейся у клиента модели окружающей действительности. Психологическая помощь заключается в изменении представлений человека о мире и себе самом, благодаря чему он может, получив новые знания, выработать более продуктивные мнения и установки и сформировать более эффективные и удовлетворяющие его отношения к людям, вещам и событиям» [Там же].

В.И. Карасик даёт следующую краткую характеристику психотерапевтическому дискурсу, активно изучаемому в западной лингвистике (A.V. Cicourel (1985); S. Fisher, S.B. Groce (1990); N. Hein, R. Wodak (1987); W. Labov, D. Fanshel (1977); R. Wodak (1996): «Психотерапевтический дискурс... – специфическое общение психолога с группой людей, страдающих заниженной самооценкой, испытывающих трудности в общении с окружающими и находящихся поэтому в состоянии эмоционального дискомфорта. Различные депрессивные состояния, из которых такие люди самостоятельно выйти не могут, имеют тенденцию перерасти в различные психические отклонения. Разработанные на Западе методики группового консультирования с большим элементом внушения призваны помочь этим людям социально реабилитироваться и выработать позитивную систему ценностей» [Карасик 2004: 238]. Нужно отметить, что в отечественной лингвистике психотерапевтический дискурс исследован крайне мало.

В данной статье будут рассмотрены примеры из книг М.Е. Литвака (кандидата медицинских наук, главного психотерапевта Ростовской области) и А.В. Курпатова (практикующего психотерапевта, автора, продюсера и ведущего популярных телепрограмм), квалифицированных психотерапевтов, имеющих большое количество учеников и благодарных пациентов. Теоретическую и аргументативную базу подобных работ составляют научные концепции, в том числе и авторские, а также собственная клиническая практика авторов. Тексты этих книг представляют письменный вариант психотерапевтического дискурса как разновидности медицинского институционального дискурса [Карасик 2004: 238–239]. Этому соответствуют все категории, определяющие дискурсивно-прагматические параметры коммуникации, выделенные, в частности, В.И. Карасиком вслед за Р. Беллом, В.Г. Гаком, Дж. Серлем, И.П. Сусовым, Д. Хаймсом и др. [Там же: 198]. Рассмотрим эти категории по отношению к психотерапевтическому дискурсу:

1) Социальный статус коммуникантов: автор – врач-психотерапевт, читатель – пациент, у которого имеются некие психологические проблемы, за разрешением которых он обратился к книге данного автора.

2) Мотив общения – наличие неверных (искажённых) психологических установок у пациента-читателя, приводящих к психологической дисгармонии, проблемам в общении, неудачам в жизни.

3) Цель общения – оказание квалифицированной психологической помощи автором путем вербального воздействия на читателя с целью корректировки его системы ценностей.

4) Формы общения – сочетание элементов индивидуальной (в форме диалога с пациентом) и групповой (в форме полилога в группе пациентов) психотерапии. Формы индивидуальной психологической коррекции представлены на страницах книг, во-первых, в максимально индивидуализированном диалоге с обобщенным читателем, который конкретизируется в ситуации процесса чтения книги. Во-вторых, в книгах приводятся ответы на вопросы конкретных читателей, обратившихся к автору за помощью. Некоторые разделы книг или книги полностью могут быть построены в вопросно-ответной форме (например, серия книг А.В. Курпатова «Советы доктора»). Групповая психокоррекция представлена в форме описания множества случаев из клинической практики авторов, цитат, писем бывших пациентов.

5) Способы общения. Доверительная тональность общения в жанре дружеской беседы, за которой могут скрываться достаточно жёсткие категоричные формулировки установок, внушаемых с целью психокоррекции с позиции опытного профессионала: «Дорогая Зоя Николаевна! **Волнения** ваши понятны, но

с их помощью вы **ничего не добьётесь**. А если вы будете слишком **настойчивы**, то не только внуков не получите, но и сына потеряете» [Курпатов 2007: 47].

К числу стилевых особенностей речи можно отнести и высокую степень метафоричности, создаваемую текстовыми образными лексическими парадигмами. Так, в приведенном контексте из 13 однозначных слов 4 – образные: **волнение** ‘эмоциональное состояние беспокойства, неуверенности, подобное колеблемой волнами водной поверхности’ (сфера эмоций ← сфера природных объектов); **добиться** ‘достичь желаемого, прилагая чрезмерные усилия, словно нанося удары’ (сфера социального взаимодействия ← сфера механического воздействия); **настойчивый** ‘неизменный, упорный в своих убеждениях, намерениях, словно стоящий на них как на физическом объекте’ (сфера психологических качеств личности ← сфера физических действий); **потерять кого-л.** ‘утратить психологический контакт с кем-либо, словно утратив его физически’ (сфера социального взаимодействия ← сфера материальных объектов). Образность текста и его лексических элементов сочетается с такими коммуникативно-прагматическими качествами, как высокая степень экспрессивности, эмотивности, оценочности, что в комплексе работает на создание суггестивного эффекта.

Прием утверждения общеизвестной истины, выраженной в знакомой фразе (апелляция к общенациональному образному тезаурусу языковой личности) и дальнейшего «отталкивания», опровержения этой истины эффектно использует М.Е. Литвак: «*Говорят, надежда умирает последней. Я бы убил ее первой. Убита надежда – и исчез страх, убита надежда – и человек стал деятельным, убита надежда – появилась самостоятельность. И первое, что я стараюсь сделать для своих клиентов и пациентов, – это убить в них надежду, что все как-то перемелется, утрясется, обойдется, стерпится, слюбится. Нет, не перемелется, не утрясется, не обойдется, не стерпится, не слюбится!*» [Литвак 2001: 4]. Метафорическая трансформация афоризма (**убить надежду**), трехкратное её анафорическое повторение, а затем – синонимический ряд образных слов, внутренняя форма которых посредством разных образов обозначает ситуацию примирения с жизнью, когда человеку кажется, что его проблемы, подобно материальным предметам, разрушатся в результате механических воздействий (**перемелется, утрясется**) либо обойдут человека стороной, подобно живому существу (**обойдется**), – призваны внушить читателю мысль об опасности такой примиренческой, пассивной жизненной позиции. Последующий повтор синонимического ряда в отрицательной конструкции закрепляет суггестивный эффект.

Вторую группу анализируемых источников составляют книги, написанные непрофессионалами, но людьми, позиционирующими себя вполне компетентными в области практического применения различных знаний (нетрадиционных религиозно-философских и психологических учений, парапсихологии, эзотерики, астрологии и т.п.), способных привести читателя к душевной гармонии, эффективному взаимодействию с окружающими, богатству, жизненному успеху. В читателе они видят виртуального единомышленника, а их аргументативную базу составляет некое сакральное знание, собственный позитивный жизненный опыт и успехи «учеников» – людей, воспользовавшихся той же системой теоретических знаний и практических навыков.

В статье будут рассмотрены тексты книг Н.Б. Правдиной – автора популярных книг по позитивной психологии, читаемых в основном женской аудиторией: «Я привлекаю успех», «Я привлекаю любовь и счастье», «Мой ребёнок – будущий миллионер». Сама писательница называет себя специалистом по позитивной трансформации мышления, работающим в направлении «Психология позитивного мышления», а своё учение называет «основами Нового сознания» – это особый склад сознания, основанный на сознательной установке человека на радость, благополучие, успех и способности управлять своим разумом. Тексты этих книг нацелены на позитивное изменение сознания читателя: перепрограммирование на позитивные мысли, жизнерадостное восприятие мира:

«Находим **точку опоры** в самом себе. ...Как только человек осознает, что весь секрет счастья и **полноты** жизни заключается в обретении **внутреннего стержня**, основанного на **непоколебимой** уверенности в собственной силе и **глубинной** мудрости, начинают происходить следующие радостные вещи. Все, к чему вы стремились, вы начинаете получать какими-то **легкими, необременительными** способами, невозможными доселе. Вы освобождаетесь от **тяжелого груза** прошлого. В любом случае вы почувствуете **легкость** и свободу. Вы станете более **раскованным** и веселым. Ваше обаяние и привлекательность возрастут по мере открытия вами самих себя, не **закованных** в рамки чувства вины» [Правдина 2003: 37]. Чувство уверенности в себе образно передаётся словами **точка опоры, внутренний стержень, непоколебимая уверенность**, состояние неуверенного в себе человека передаётся через образ «тя-

жести» (*тяжелый груз прошлого*) и «скованности» (*закованный в рамки чувства вины*), а состояние уверенного в себе, свободного человека – через образы «легкости» (*легкий, необременительный*) и «раскованности».

Подобную литературу, с одной стороны, невозможно отнести к собственно психотерапевтическому дискурсу в силу иного социального статуса коммуникантов, иной коммуникативной среды общения, никак не связанной с официальным институтом здравоохранения и во многом противоречащей ему. И если попытаться определить тип институционального дискурса данной текстовой формации, можно предложить термины «псевдо-психотерапевтический», «квази-психотерапевтический»... Более корректным представляется все же выделение группы альтернативных народно-медицинских институтов и соответствующих им дискурсивных практик, связанных с народным целительством и парапсихологией, более близких обыденному наивному сознанию и интуитивному способу постижения мира.

Не ставя перед собой задачу точной научной квалификации и сравнительного анализа официального и альтернативного типов психотерапевтического дискурса, относящихся, вне всякого сомнения, к разным социальным институтам, предлагаем рассмотреть их с точки зрения тематической и коммуникативно-прагматической общности. Тем более что суггестивная направленность текстов, во многом базирующаяся на использовании образно мотивированных и экспрессивных языковых средств, имеет единую природу. Поэтому при рассмотрении функционирования образных средств языка в психотерапевтическом дискурсе мы ставим акцент не на социально-дискурсивном, а на тематико-дискурсивном аспекте, так как, при различии социальных статусов коммуникантов, все остальные коммуникативно-прагматические характеристики дискурса совпадают.

Обобщенная модель коммуникации выглядит следующим образом. Человек со своими личными проблемами (читатель-адресат и его мотив) обращается к книге, автор которой обещает помочь читателю в их решении (автор и его мотив). Автор приобщает читателя к системе знаний, предлагающей новые позитивные психологические установки в соответствии с адекватной системой ценностей с целью гармонизации психологического состояния и жизни читателя (цель общения). С этой целью автор использует в тексте книги арсенал языковых и речевых средств, в том числе и образных, максимально эффективно обеспечивающих решение сложной задачи по трансформации ценностной картины мира читателя. Передаваемые посредством образных языковых единиц установки, символически закрепленные за тем или иным образным представлением, ориентированы на духовное и физическое оздоровление человека.

Как уже говорилось, суггестивная функция образного слова или выражения связана с коммуникативной задачей автора внушить адресату определенные идеи путем воздействия на его подсознательный психоэмоциональный уровень. Вместе с тем суггестия осуществляется с опорой и на другие специфические функции образной лексики и фразеологии. Это наглядно-характеризующая функция, связанная с созданием красочного картинного образа называемого предмета или явления; экспрессивная, связанная с интенсификацией признака, метафорически выраженного во внутренней форме наименования; оценочная, состоящая в выражении ценностного отношения говорящего к называемому; эмотивная, заключающаяся в выражении эмоционального отношения говорящего; эстетическая, предполагающая выражение понятия/мысли в творческой форме.

Весь комплекс функционально-семантических свойств образной лексики и фразеологии задействован для донесения авторской мысли и закрепления транслируемой психологической установки. Рассмотрим, как реализуется этот прагматический потенциал образных средств языка в текстах психологического воздействия.

Ставя перед читателем проблему взаимоотношений родителей и детей в начале книги «Взрослые дети», Андрей Курпатов вспоминает своё участие в одноименном телевизионном шоу: «У этой программы – «Взрослые дети» – был самый **высокий рейтинг** (она не **побила только один рекорд** – программы про **избыточный вес**, но с этой темой, поверьте, никто не может **тягаться**). Почему я вспомнил про рейтинг? Потому что эта **пустая**, по сути, цифра – **немое, безголосое**, но **ясное и точное указание на безусловный факт**: проблема взрослых детей – **понимаем мы это или нет** – **касается каждого и имеет для каждого из нас особое, *исключительное* значение**» [Курпатов 2007: 10–11].

Коммуникативная задача автора – обосновать важность проблемы, актуализировать её в сознании читателя. С этой целью используются ориентационная метафора с положительной оценочной семантикой и одобрительной эмоциональной коннотацией **высокий рейтинг**, которая вписывается в образную парадигму, реализующую спортивную метафорическую модель: **побить рекорд** ‘превзойти’, **тягаться** ‘ста-

ратся превзойти кого-л., словно соревнуясь в поднятии тяжестей'. Причем внутренняя форма последнего слова оживляется через смысловую связь с выражением *избыточный вес* в прямом значении. Этот прием служит выражению авторской иронии.

Далее по принципу контраста автор подчеркивает остроту проблемы посредством противопоставления *пустой цифре* ('не имеющей значимого содержания' – «контейнерная метафора»), являющейся *немое, безголосое* ('скрытое от наблюдения, словно не имеющее голоса и поэтому не воспринимаемое на слух' – антропоморфная метафора), *но ясное* ('доступное пониманию, словно хорошо видимое' – натуроморфная метафора) *указание* на проблему *исключительной* важности. Использование синонимического ряда образных слов с разным образным основанием для выражения приема градации и контекстного образного антонима (*безголосое, но ясное*) служит весьма действенным средством эмоционального воздействия на читателя.

Подобный прием градации, усиленный сравнительными оборотами, использует Н. Правдина для описания портрета человека, избавившегося от комплексов и страхов: *«Тогда глаза ваши станут такими же сияющими, как солнце, безбрежными, как небо, и бездонными, как глубины Вселенной»* [Правдина 2003: 51]. Включение образных средств языка в речевые фигуры градации и повтора создают дополнительный эффект смысловой избыточности и особое ритмическое членение фразы, усиливая суггестивный эффект как на семантическом, так и на фонетическом уровнях восприятия текста.

Наиболее значимыми в ценностном отношении ключевыми концептами, вокруг которых разворачивается тематика психотерапевтического текста, являются Здоровье (гармонизация физического самочувствия клиента), Счастье (гармонизация духовного психологического состояния) и Любовь (чувствоотношение к окружающему миру и людям, позволяющее гармонизировать психическое и физическое состояние). Ориентация читателя на эти непреходящие ценности закрепляется в тексте повтором слов, номинирующих эти концепты; большим количеством разнообразных способов образного выражения эмоциональных переживаний, с ними связанных; образных ассоциаций, наглядно передающих эмоционально-оценочные коннотации:

«Родители были шокированы, поняв, что их дети, несмотря на все, что они им говорят, их любят. Дети не верили своим ушам, когда вдруг слышали в голосе своих родителей нотки искренней, идущей от сердца нежности. Было много слез. Но только не от горя, не от обиды, не от чувства безысходности, как обычно, а от радости. Светлой, настоящей радости» [Курпатов 2007: 10]. *«Наверное, это прозвучит ужасно банально, но всё же ... любите друг друга. Вы – родители своих детей и дети своих родителей – самые близкие друг другу люди. Нужно стараться быть более открытыми со своими детьми, а если родители к этому готовы – то и со своими родителями»* [Там же: 11]. *«Каким бы он ни был – он ваш сын. Поэтому не мучайте его. Поддерживайте и любите его. Других рецептов просто не существует»* [Там же: 48]. *«Ребенок должен ощущать всеобъемлющую, безграничную, безусловную любовь к себе! Любовь – это тот воздух, которым дышит ребёнок. Давайте же сделаем глубокий вдох и, движимые этим всепоглощающим чувством любви, начнем наполнять жизнь своих детей, а следовательно, и свою, счастьем и всеми сокровищами вселенной!»* [Правдина 2004: 18].

Как видно из уже приведенных примеров, образные средства языка, включенные в текстовые образные лексические парадигмы, выполняют важную для реализации текстовой суггестии миромоделирующую функцию, которая состоит в выражении авторской картины мира или индивидуальной картины мира клиента-читателя, ценностно ориентированной в соответствии с психологическими установками её носителя. В процессе коммуникации психотерапевта и клиента происходит корректировка картины мира последнего посредством дискредитации ложных и закрепления продуктивных психологических установок.

Н.Ф. Калина пишет: «В своей работе психотерапевт имеет дело с образом или моделью окружающей действительности, которая определяет целостную жизнедеятельность, бытие клиента в мире. Этот образ есть, в сущности, индивидуально своеобразная концепция мира и себя в нем. Ее называют субъективной психической реальностью индивида. Психотерапевт умеет изменять субъективную реальность, и в результате такого вмешательства вместе с представлениями изменяются чувства людей, их мысли и действия [Калина 2001: 298-299]. И далее: «На терапевтическом сеансе изменяются отдельные фрагменты психической реальности, имеющие отношение к возникновению психологических трудностей и проблем. В результате взаимодействия дискурсов терапевта и клиента изменяются характеристики внутреннего опыта последнего, меняется свойственная ему система личностных смыслов» [Там же: 300].

Образные средства психотерапевтического дискурса задействованы в процессах метафорического и метонимического миромоделирования. Они необходимы для «визуализации» ментального и психического пространств личности, а также для «картинного», пластичного и эмотивно-окрашенного описания чувственно воспринимаемой реальности.

Внутренний мир человека, его сознание и психика моделируется на базе различных когнитивных метафорических моделей [Лакофф, Джонсон 1990]. Например, «контейнерной» метафоры: *«запреты и негативные установки, внедренные воспитателями», «чувство единства со всем миром... заложено в каждом живом существе, но забито обществом и родителями», «каждая привычка, каждая устойчивая фраза, каждое слово, сказанное нами, буквально впечатывается в сознание и подсознание юного человечка»* (Н.Б. Правдина), *«мы эту логику не замечаем, а наши дети, напротив, её, как губка, впитывают»* (А.В. Курпатов). Психологические качества уподобляются свойствам материальных предметов: *«Пластичность отражает легкость и гибкость приспособления человека к внешним воздействиям», «Твердость определяется упорством личности при сознательном отстаивании своих взглядов и принятых решений»* (М.Е. Литвак).

Возникновение в жизни клиента проблем моделируется через образы пространственных препятствий – рамок, барьеров и под.: *«ему просто необходимо жить по-своему, ломать устоявшиеся рамки и быть, нравится нам это или нет, бунтарём!»* [Правдина 2004: 27], *«когда вы начинаете об этом думать, у вас, я уверен, голова идет кругом и возникает ощущение абсолютного тупика»* [Курпатов 2007: 74-75].

Неверные психологические установки образно уподобляются слою штукатурки, скрывающему и подавляющему истинные способности человека: *«В процессе сценарного перепрограммирования я пытаюсь нацеливать своих клиентов и пациентов на реализацию их способностей, на освобождение от штукатурки невротических долженствований. Конечно, довольно часто сменить профессию не удастся. Но в рамках существующей профессии можно найти отрасль, где человек реализовал бы ранее задавленные способности»* [Литвак 2001: 25].

Время жизни моделируется как перемещение в пространстве: движение времени относительно человека (*«Раз время воспитания прошло безвозвратно, нужно учиться договариваться на равных, как с полноценным партнером»*) [Курпатов 2007: 7], *«Прошлое уже случилось, прошло, и оно было таким, каким было, другого прошлого у нас и у наших детей нет и не будет»* [Курпатов 2007: 8]; движение человека во времени (*«Чтобы решить эти конфликты, нужно, если по-хорошему, возвращаться в далёкое прошлое и менять его до неузнаваемости»*) [Там же]; движение эмоциональных состояний во времени жизни человека (*«А обиды и взаимные претензии... – они ведь из глубокого детства идут»*) [Там же].

Приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии суггестивной и миромоделирующей функций, так как «попадание» психотерапевта-суггестора в образную систему, символический код клиента максимально облегчает процесс психологического воздействия. Поэтому авторы используют общеязыковые образные средства, транслирующие типовые образы и базовые метафорические модели лингвокультуры. В тексте один базовый образ может повторяться несколько раз, варьироваться, усиливаться за счет приемов оживления внутренней формы образных средств. С этой целью психотерапевт может повторять образы, используемые клиентом при речевом выражении своих проблем и переживаний.

Обращаясь к доктору Курпатову, Ульяна пишет: *«Нам кажется, что основная проблема в том, что она [дочь] поверхностно относится к делу. Как только сложное задание, закрывает глаза и уши, и даже учителя не могут найти с ней контакт»*. Автор отвечает: *«То, что девочка «закрывает глаза и уши», столкнувшись со сложным заданием, говорит не о её легкомыслии, а о том, что ей страшно»* [Курпатов 2007: 14–15]. В своем ответе автор повторяет метонимический образ, использованный в тексте письма (*закрывает глаза и уши* ‘старается не замечать, игнорирует’), а затем опровергает предложенную мамой характеристику, образно выраженную в метафоре *поверхностно относится к делу* (‘несерьёзно, невдумчиво’ – негативно оценочная ориентационная метафора), используя другой метафорический образ: *девочка столкнулась со сложным заданием* (образ препятствия, который усиливает семантику сложности его преодоления). Затем автор употребляет отрицательную конструкцию, в которой опровергается предложенная мамой оценка-характеристика дочери: *не легкомыслие, а страх*. Идея несерьёзного отношения к делу рисуется автором через другую метафорическую модель *легкомыслие* (онтологическая метафора – мысль моделируется по образу материального объекта, обладающего гравитационными качествами), а эмоционально-оценочная модальность меняется с осуждения на сочувствие. Таким образом, психотерапевт подводит клиента к пониманию истинных эмоций дочери.

Следует отметить, что анализируемые тексты книг психологического воздействия имеют полифоническую полидискурсивную природу, и в рамках психотерапевтического институционального дискурса в двух выше обозначенных его разновидностях включают элементы других дискурсивных формаций. Например, такие элементы рекламного дискурса, как броские названия книг и разделов – «*Как управлять собой и своей жизнью*», «*Таблетка от страха*», «*Обрети мир в своей душе*» (А.В. Курпатов); «*Психологический вампиризм*», «*Из ада в рай*», «*Принцип сперматозоида*», «*Бинтование душевных ран или психотерапия?*» (М.Е. Литвак), «*Твой ребенок – будущий миллионер*», «*Я привлекаю любовь и счастье*» (Н.Б. Правдина). Соответствует рекламному дискурсу полиграфическое оформление книг – яркие, красочные обложки с фотографиями авторов, обширные аннотации, включающие положительные отзывы читателей на обложках и в начале книг, анонсы – в конце.

Обилие образных и экспрессивных средств языка и высокая степень творческого начала в речевом произведении сближает отдельные фрагменты книг с художественным дискурсом. В большей степени это относится к писательской манере Н. Правдиной, в книгах которой также встречаются текстовые фрагменты, соотносимые с фольклорным и религиозным (библейским) дискурсом: «*Мы вкладываем ценное зерно осознанности в благодатную почву своей действительности и пожинаем ароматные плоды с Божественного дерева мудрости и удачи. Если перевести это утверждение с языка метафор на общепринятый, то вкратце это звучит так: В каждый момент вашей жизни вы **творите** свое будущее. Все плохое мы с легким сердцем отпускаем, а затем начинаем сознательно лепить свою жизнь из мягкой глины мгновений. Ну вот, опять меня в поэзию потянуло*» [Правдина 2004: 34].

Кроме этого, психотерапевтический дискурс, являясь по своей социальной природе институциональным, сочетает элементы как статусно-ориентированного, так и личностно-ориентированного типов общения коммуникантов. Причем задача автора – максимально приблизить читателя к личностному типу общения, при необходимости создавая иллюзию отсутствия неравного социального статуса коммуникантов, но в нужный момент актуализируя его. Как отмечает В.И. Карасик, «личностный (персональный) дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытовой (обиходный) и бытийный дискурс. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова... Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира» [Карасик 2002: 190–191]. В популярных книгах по практической психологии бытовой дискурс может быть представлен в письмах читателей, в авторском повествовании о различных ситуациях из собственной жизни и жизни клиентов. А бытийный дискурс – в письмах от читателей, содержащих выражение их внутреннего мира и понимания жизни, или во фрагментах авторского текста, содержащего отдельные особо значимые рассуждения автора. Данные фрагменты особенно насыщены образными средствами.

Примером реализации бытийного личностного дискурса может служить письмо читательницы, искренне выражающей в адрес автора-психотерапевта свою благодарность и свои переживания по поводу собственного личностного роста на основе применения полученных знаний: «*Я прочитала вашу книгу «Если хочешь быть счастливым» и полюбила Вас! ... Медленно **продвигаюсь в росте**, но все же **продвигаюсь**, и каждый раз, когда **фиксирую свой рост**, как будто **очередной виток веревки, затянутый на моей шее, разрывается**, и в этот момент **долгожданный глоток воздуха врывается в мою грудь** и мне хочется кричать: “Я люблю вас, мой учитель!”» [Литвак 2001: 376].*

Завершая статью, в которой удалось наметить лишь отдельные аспекты и представить некоторые приемы анализа суггестивного функционирования образной лексики в психотерапевтическом дискурсе, отметим, что это было первое приближение к объемной, серьезной и, вне всякого сомнения, актуальной теме, требующей дальнейшей глубокой проработки. Перспективным представляется анализ литературы по популярной практической психологии с точки зрения выявления и дальнейшего уточнения коммуникативно-прагматических параметров её дискурсивной природы. За пределами рассмотрения остались вопросы, связанные с участием всего спектра языковых средств в процессах психологического вербального воздействия, с моделированием авторских вариантов картины мира, с соотношением психотерапевтической методологии автора и его индивидуального стилистического регистра общения с клиентом-читателем и многие другие аспекты поставленной проблемы.

Литература

- Калина Н.Ф. Основы психоанализа. Серия «Образовательная библиотека». М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер». 2001. 352 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Курпатов А.В. Взрослые дети. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 224 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
- Литвак М.Е. Как узнать и изменить свою судьбу: Способности. Темперамент. Характер / М. Е. Литвак. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 380 с.
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
- Правдина Н.Б. Я привлекаю любовь и счастье: Новый эффективный метод создания гармоничной и радостной жизни для себя и своих близких. СПб.: ИК «Невский проспект», 2003. 192 с.
- Правдина Н.Б. Мой ребенок – будущий миллионер. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. 302 с.
- Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: Изд-во «КСП+», 1999. 416 с.
- Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.

М.Н. Васильева (Россия, Уфа)

О КОНЦЕПТАХ ДУША И ВРЕМЯ В РОМАНЕ В.Е.МАКСИМОВА «СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ»

Будучи одной из важнейших философских категорий, являясь, наряду с пространством, основной формой существования материи, время становится и основным измерением всякой художественной картины мира – вместе с пространством и человеком [Болотнова 1992]. Согласно Н.Д. Арутюновой, отсутствие у человека специального органа восприятия времени при наличии чувства времени влечет постоянную метафоризацию времени в качестве пространственных явлений [Арутюнова 1997: 51].

Свое отношение ко времени, к недолговечности человеческой жизни автор вкладывает в уста героев, используя соответствующие эпитеты:

– *Говорится в Писании: Господь создал человека в один день. Только ведь это был не один земной день, а одна земная вечность... А мы с вами возомнили за двадцать **быстротекущих смертных** лет содеять то же самое.*

– *Мы должны, понимаешь, должны научиться мыслить тысячелетиями, а не собственным **человечьим** веком.*

Максимов использует метафорическую модель ВРЕМЯ КАК ЧЕЛОВЕК:

После хмельной суматохи молодости к нему вдруг пришло возрастное похмелье, и Вадим увидел себя со стороны тем, чем он и был на самом деле: заштатным эстрадником тридцати пяти утяжеленных разгулом лет.

Отметим, что писатель отождествляет тишину и время:

Внезапно возникшую тишину мерно отсчитывали ходики над комодом.

Душа в русском языке – средоточие всей духовной жизни и одновременно физическая жизнь, человек как таковой. В современных исследованиях душу называют специфическим для русского языка культурным концептом [Шмелёв 1996]. Об этом свидетельствует то, что в английском языке, к примеру, в разговорной речи неуместно, не употребляется и выражение «французская душа», в то время как словосочетание «русская душа» сделалось интернациональной идиомой.

Когнитивная модель ДУША КАК ВМЕСТИЛИЩЕ – одна из наиболее распространенных в русском языке. В рамках этой модели Максимов конкретизирует вместилище как ПОМЕЩЕНИЕ – *не любя в душе никакой сквозной пустоты; сквозь темную дрему, какой с каждым годом все глуше затягивалась его душа...* (ср. паутина затягивает помещение); *...её осатанелой злобе не под силу было пробиться в обуглившуюся до дна Иванову душу...*

Вторая по частотности языковая модель ДУША КАК ФИЗИЧЕСКИЙ ОРГАН (ЧАСТЬ ТЕЛА). Реализуется она и у Максимова: *Девочка, девочка, разве прокричишь тебе душу?* (ср. прокричать уши); *Сорок*